

Дуэль доктора Хирша

Месье Морис Брюн и месье Арман Арманьяк бодро, но не теряя важности пересекали залитые солнцем Елисейские Поля. Оба господина были невысокого роста, подвижные и лысые. И у обоих были черные, казавшиеся совершенно неуместными бородки, подстриженные на тот странный французский манер, согласно которому любая растительность на лице должна казаться накладной. У месье Брюна бородка имела форму клинышка и росла прямо из-под нижней губы. У месье Арманьяка, как будто нарочно, чтобы чем-то отличаться от спутника, было сразу две бородки, торчащие по углам внушительного подбородка. Оба мужчины были еще молоды. Оба были атеистами, непреклонными в своих взглядах, но весьма непостоянными в их выражении. Оба были студентами великого доктора Хирша, ученого, публициста и моралиста.

Месье Брюн снискал себе определенную известность своим предложением удалить из классической французской литературы обычное слово прощания «Adieu»¹, а за его употребление в разговорной речи взимать небольшой штраф. «Вот тогда, — говорил он, — человек наконец перестанет слышать по двадцать раз на дню имя этого воображаемого Бога». Месье Арманьяк, которому ближе

---

¹ Корень слова «Adieu» (до свидания) — «Dieu» (Бог).

был вопрос о противостоянии милитаризму, предлагал заменить в «Марсельезе» слова «Aux armes, citoyens»¹ на «Aux grève, citoyens»². Впрочем, его миролюбие было по натуре истинно французским. Когда один видный и очень богатый английский квакер³ приехал к нему, чтобы разработать подробный план разоружения всей планеты, он был немало озадачен предложением Арманьяка начать с того, что солдаты должны расстрелять своих офицеров.

И в этом заключались главные отличия этих молодых мужчин от их учителя и духовного наставника. Доктор Хирш, хоть и родился во Франции, где и снискал огромную славу на ниве образования, был человеком совсем иного склада — мягкий, непрактичный и добрый, вопреки своим скептическим взглядам, он не был лишен определенного трансцендентализма. Короче говоря, он был больше похож на немца, чем на француза, и, как бы ни уважали его эти двое галлов, где-то в глубине души они испытывали к нему что-то вроде презрения за то, что его призывы к миру носили такой неагрессивный характер. Однако для остальных его приверженцев, разбросанных по всей Европе, Поль Хирш был святым от науки. Его всеобъемлющие и смелые теории привлекали к нему все новых и новых последователей, которые находили пример для подражания в его аскетической жизни и не-

---

¹ «К оружию, граждане» (фр.).

² «На забастовки, граждане» (фр.).

³ Квакеры — протестантское религиозное течение, проповедующее благотворительность и пацифизм.

винной (хоть и несколько холодно-безразличной) нравственности. Это был своего рода Дарвин и Толстой в одном лице. Но он не был ни анархистом, ни космополитом. В отношении разоружения доктор Хирш придерживался довольно умеренных взглядов, которые были подвержены изменениям. Правительство республики именно ему доверило решение некоторых вопросов, связанных с химией. Не так давно он даже изобрел бесшумную взрывчатку, технологию изготовления которой власти держали в строжайшей тайне.

Жил он в небольшом доме на уютной улочке рядом с Елисейскими Полями. Здешние деревья этим жарким летом до того разрослись, что она стала почти неотличима от самого парка. Ряд каштанов закрывал солнце, и лишь в одном месте был заметен просвет — там на улицу выступало большое кафе. Почти прямо на него выходил окнами дом знаменитого ученого, с белыми занавесками в зеленую полоску и длинным, во весь второй этаж железным балконом, тоже выкрашенным зеленой краской. Арка под ним вела в небольшой утопающий в зелени дворик, куда и прошли двое оживленно беседующих французов.

Дверь им открыл Симон, старый слуга почтенного ученого, который внешне сам вполне мог сойти за солидного доктора, поскольку одет был в строгий черный костюм, носил очки, имел благородную седину и разговаривал низким спокойно-доверительным голосом. По правде говоря, он намного больше походил на выдающегося ученого мужа, чем его хозяин, доктор Хирш, маленький рыжеватый мужчина с головой такой огромной, что тело казалось

не более чем незначительным придатком. С важным видом именитого врача, вручающего пациенту рецепт, Симон протянул месье Арманьяку запечатанное письмо. Молодой человек со свойственной французам нетерпеливостью надорвал конверт и быстро прочитал следующее:

«Я не могу спуститься и поговорить с вами. В доме находится человек, с которым я не хочу встречаться. Это Дюбоск, офицер и шовинист. Сейчас он сидит на лестнице. В остальных комнатах он уже учинил настоящий погром. Я пока заперся у себя в кабинете, мои окна выходят на кафе. Если вы меня любите, ступайте туда, займите столик на улице и ждите. Попытаюсь отослать его к вам. Мне бы хотелось, чтобы вы попробовали его как-то успокоить. Сам я не могу с ним встречаться. Не могу и ни за что не встречусь. Ждите очередного дела Дрейфуса.

П. Хири».

Месье Арманьяк посмотрел на месье Брюна. Месье Брюн взял у него из рук письмо, прочитал и посмотрел на месье Арманьяка. После этого они вдвоем отправились в кафе, где заняли небольшой столик под каштанами и заказали две рюмки абсента, этого ужасного напитка, который они, похоже, могли потреблять в любом месте и в любое время. Кроме них в кафе почти никого не было. За одним столиком какой-то военный потягивал кофе, за другим крупный мужчина пил сироп, а рядом с ним сидел священник, который не пил ничего.

Морис Брюн прочистил горло и произнес:

— Мы, разумеется, должны помогать учителю во всем, но...

Тут он многозначительно замолчал, и заговорил Арманьяк:

— Может, у него и есть причины не желать встречи с этим человеком, но...

Прежде чем кто-либо из них смог закончить предложение, стало ясно, что захватчика все же удалось вытеснить из дома. Кусты перед аркой дрогнули и расступились, когда из них, как пушечное ядро, вылетел непрошенный гость.

Это был крепкий мужчина в небольшой фетровой тирольской шапочке, сидевшей набекрень. Он вообще сильно смахивал на тирольца — мощные, широкие плечи и худые, подвижные ноги в бриджах и вязаных чулках. На его загорелом, как у папуаса, лице беспокойно поблескивали очень яркие карие глаза; темные волосы, зачесанные на лоб спереди и коротко подстриженные на затылке, очерчивали мощный квадратный череп. Еще у него были огромные, как рога бизона, черные усы. Такие мощные головы, как правило, сидят на бычьих шеях, но у него шея по самые уши была обмотана широким пестрым шарфом, концы которого спереди скрывались под пиджаком и чем-то напоминали празднично-яркий жилет. В расцветке шарфа сочетались густые, холодные цвета: темно-красный, тускло-желтый и фиолетовый. Возможно, изготовили его на востоке. В этой фигуре нельзя было не почувствовать оттенок варварства, так мог выглядеть какой-нибудь венгерский помещик, а не офицер французской армии. Впрочем, его речь явно выдавала в нем француза, а французский